

И. В. Малыгина¹

**ДИСКУРС ВЛАСТИ
И ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Постоянная актуализация научной рефлексии на тему ценностно-символических оснований культу-

¹ Директор Института культурологии и музеведения Московского государственного университета культуры и искусств, заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики, доктор философских наук, профессор. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности», «Современные дискурсы этничности: методологический тупик или возможность примирения оппозиций?», «Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика», «Грани и границы этнокультурной идентичности в современном мире», «Динамика российской идентичности», «Культурная идентичность в современной России: поиск новых моделей», «От “помнящей культуры” к “культуре забвения”»: дискурсы и исторические формы репрезентации культурной памяти» и др.

ры, по всем признакам не исчерпавшей еще ресурс постмодернистского релятивизма, свидетельствует об одной из антропологических данностей: как бы ни существовал в культуре человек — в гармонии ли с базовыми ценностями или в неизбежном противоречии с ними, — он не может существовать вне системы координат.

Что же касается культуры как пространства смыслов и значений, то ее пределы обнаруживаются именно там, где данные смыслы и значения утрачивают качество конвенциональности для конкретной общности.

Если признать данные замечания корректными, то характеристики современной ситуации: тревожные —

«кризис культуры» или совсем безутешные — «антропологическая катастрофа», оказываются не просто сюжетами в копилку современного мифотворчества. Приходится соглашаться: «в мире антропологической катастрофы скорость смены одного события другим так велика, что значения и смыслы не успевают осесть. <...> мы их не успеваем сделать фактом сознания. Поэтому сегодня каждому из нас приходится жить в режиме неизвлеченного смысла. В мире неясного и неочевидного»¹. Антропологический кризис, одним из основных признаков которого следует считать деформации нормо- и смыслообразования в культуре, несомненно, является общемировым трендом современности, однако его российская версия обладает своей спецификой, во многом обусловленной этноментальным своеобразием и историческим опытом россиян.

Если сквозь призму этих допущений проследить «крупными штрихами», хотя бы в границах последних 100 лет, динамику российской культуры, мы без труда обнаружим обусловленность ее ценностно-смысловых трансформаций спецификой дискурса власти, характерного для того или иного историко-культурного контекста.

Вопрос о сложности и многомерности дихотомии культуры и власти возник не сегодня и не в России. Но несмотря на многочисленные попытки мыслителей и политиков обозначить «точки сопряжения» и демаркационные линии этих феноменов, вопрос этот до сих пор оставляет пространство для размышлений. Стремление «примирить» или развести по разным углам «социального ринга» власть и культуру до сих пор лишь умножает противоречия и внушает мысль о бесплодности подобных усилий.

Однако невозможно абстрагироваться от того, что власть, в силу ее почти неограниченной возможности оказывать влияние на сознание и поведение людей (посредством авторитета, закона или даже физического насилия), узурпирует статус «ценностного законодателя» в обществе. Во многом именно власть определяет критерии и границы социально одобряемого и санкционируемого поведения человека, формирует систему конвенциональных норм, социокультурных предписаний и запретов, определяя тем самым пределы культуры данного общества².

Изменения во властных стратегиях, как правило, влекут за собой серьезные трансформации системы ценностей. Вспомним, что на протяжении жизни всего лишь трех-четырех поколений процесс переоценки ценностей в России происходил как минимум трижды, и всякий раз «подчиняясь» радикальным изменениям дискурса власти.

Как известно, с момента Крещения Руси и почти тысячелетие роль нравственного законодателя в российском обществе исполняла религия. В основе русской культуры полагалась ценностно-символическая система, основанная на православных идеалах, опре-

деляющих ценностно-смысловые границы культуры. Высочайшая степень конвенциональности и универсальности этих смыслов, на протяжении столетий остававшихся незыблемым основанием социальной солидарности, проявилась в том, что самоидентификаты «русский» и «православный» долгое время выступали как смысловые эквиваленты.

Монархическая, самодержавная власть в России вплоть до начала XX века опиралась именно на православие, которое наполняло социально-политическую форму организации общества духовно-культурным содержанием — идеологическим, этико-философским, эстетическим и собственно религиозным.

В октябре 1917 года система ценностей, основанная на Божественном авторитете, на Божественном откровении, была разрушена до основания. Причем вместе с храмами были уничтожены, разграблены, утрачены создаваемые веками памятники архитектуры, живописи, ювелирного искусства. От русской культуры оказался оторванным целый пласт, чрезвычайно важный для самосознания, что повлекло за собой и системные изменения культурной среды.

Власть большевиков принесла с собой принципиально иную систему ценностей, основанную на авторитете коммунистической идеологии, что привело к формированию качественно новой системы ценностей. Конвенциональность новых идеалов, культурные качества человека новой эпохи и принципиально иной культурной среды проявились в закреплении в массовом сознании соответствующего самоидентификата — «советский». Это самоназвание сохраняло свою актуальность вплоть до так называемой перестройки или начала демократических преобразований в России.

Что произошло в это время с культурой общества? Наша любимая «национальная забава»: устоявшаяся в течение десятилетий система ценностей, определявшая содержание и пафос советского образа жизни и советской культуры, вновь была разрушена столь же стремительно. И снова до основания, только на этот раз вместе с культурными текстами советской эпохи.

Взамен властью реформаторов были предложены не вполне отчетливо осознаваемые народом, но адекватные вызову политических и мировоззренческих трансформаций российского общества идеалы свободы и демократии. Однако в условиях отсутствия национальной идеи, концепции цивилизационного и социально-экономического развития государства, но при наличии гласности и свободы слова данные идеалы обрели формы культурного плюрализма и нравственного релятивизма, указывающих на глубокий мировоззренческий кризис в обществе, на отсутствие в стране единого, разделяемого всеми ее гражданами культурно-символического кода. А. С. Ахиезер заметил по этому поводу: в отличие от западных обществ, где культурный плюрализм является стимулом для развития либеральной государственности и толерантности, в России он стал серьезным фактором раскола в обществе, причем основная линия раскола пролегла между государством (читаем: «властью». — *И. М.*) и самоорганизовавшимся

¹ Гиренок Ф. Антропологическая катастрофа. URL: <http://www.hgono.ru>

² С этой точки зрения феномен власти подробно рассмотрен в философской концепции М. Фуко (См.: Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996).

в локальные миры народом, не знающим гражданского общества¹.

Следует признать, что одним из бесспорных позитивных результатов так называемых демократических преобразований общества является многообразие форм его экономической, политической и культурной жизни, внешне свидетельствующее о глубоко продвинувшемся процессе демократизации российского общества. Но парадокс данной ситуации заключался в том, что сфера ценностных оснований оказалась столь же подверженной процессу плюрализации, как и любая другая сфера общественной жизни. Все более явным становился «дрейф» ценностно-смысловых ориентиров, со всей очевидностью обозначилась ситуация этического и морального релятивизма; проявления «двойной морали» и «двойных стандартов» стали вариантом нормы. Культурный герой новой эпохи примерил маску своего двойника — трикстера, пренебрегающего культурными предписаниями, нарушающего границы дозволенного, стремящегося вырваться «за флажки» социокультурных ограничений.

В сфере нравственной культуры данные процессы проявились максимально остро. Нравственная дезориентация стимулировала в обществе напряженный поиск новых ценностных опор. При этом спектр поиска оказался чрезвычайно широким. Вспомним, насколько активной была вспышка интереса к религии, и определенная часть общества обрела нравственные опоры именно в религиозности. Однако совершенно очевидно, что религия не готова сегодня занять ту нишу, которую она занимала столетиями, — слишком велик оказался разрыв в национальном самосознании.

Наряду с этим в условиях формирования рыночной экономики, стремительного и хаотичного развития первоначального («дикого») российского предпринимательства, основанного на жесткой конкуренции, широкое распространение получили идеи, присущие этике «иммoralизма» с ее отказом от христианского идеала, отрицанием альтруизма и сострадания, постулированием «морали господ»; утверждением «воли к власти», права сильнейшего; с ее пресловутым «падающего — подтолкни» и, конечно, с идеалом «сверхчеловека», провозглашенными некогда Ф. Ницше.

Экономические реформы, повлекшие за собой расслоение населения по имущественному признаку, актуализировали в среде экономически «несостоявшихся» людей идеи пессимистической этики с ее взглядом на мир как средоточие мук и страданий, вырваться из которого нет никакой возможности, если верить А. Шопенгауэру. Конечно, я далека от мысли, что представители всех слоев общества — от лифтера до академика — читали в середине 1990-х годов Ницше и Шопенгауэра, но «в воздухе витало».

Незаметно каждый стал обладателем «своей собственной» морали, начиная с политической элиты, каждый из представителей которой не только демонстрировал собственное политическое кредо, но и предлагал «электорату» его нравственное обоснование (или оправдание?).

¹ Ахиезер А. Насколько мы разные? // Неприкосновенный запас. 2002. № 6 (26). С. 68–73.

Таким образом, релятивизм стал характерным признаком новейшей российской истории и культуры. Как же следует расценивать эту данность? С одной стороны, можно относиться к ней как к проявлению процессов раскрепощения нравственного сознания общества и индивида. Ибо ситуация морального выбора сегодня — это уже не «оглядка» на некий безусловный «авторитет», будь то религия или государство, а самореализация индивидуальной воли, акт творчества (в идеале — ответственной и нравственной личности). С другой стороны, релятивизм делает весьма условной грань между допустимым и санкционированным в культуре; превращает приоритеты индивидуалистического утилитарного сознания в норму, рутинную повседневность. Более того, релятивистская мораль утрачивает свою основную функцию — регулятивную: в ситуации, когда каждый поступает собственную мораль, велики ли шансы достижения общественного согласия? По всей видимости, не больше, чем у футболистов из известной сказки Лазаря Лагина после того, как Старик Хоттабыч из самых добрых побуждений вбросил на футбольное поле 22 мяча. Когда каждый со своей моралью как с персональным мячом, социального хаоса избежать трудно. К тому же, если некое явление становится функционально несостоятельным (не функционирует), значит, оно перестает существовать как таковое, а мы имеем дело не с чем иным, как с симулякрами или имитациями морали.

Во многом эта ситуация стала следствием социально-политических трансформаций российского общества, а потому и ответственность во многом ложится на власть, поскольку изменить ситуацию, постепенно, корректно, но целенаправленно формируя в обществе непротиворечивую ценностную систему (учитывающую, тем не менее, презумпцию права личности на индивидуальную стратегию самоопределения и самопрезентации в культуре), способны люди, не только наделенные совестью, но и облеченные властью.

Что может стать основой системы ценностей, способной обеспечить общественное согласие и приостановить реакцию распада в обществе? Возможно, это закон? Не будем сейчас говорить о несовершенстве государственного законодательства, но, если быть честными в определениях, то боязнь закона и даже уважение к нему — еще не есть нравственность.

Может быть, это права и свободы других людей? И более всего права мыслители, в разное время утверждавшие, что любой человек свободен в реализации своих естественных прав и свобод ровно до тех пор, пока не нарушает границы чужой свободы? Великий нравственный закон, сформулированный в год Французской революции. Но безусловность его действия может быть обеспечена лишь при условии его беспрекословности и неотвратимости, как для властных решений политических элит, так и для свободной воли любого другого человека. Утопия? Поживем — увидим...